

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ЦЕНЗУРОЙ СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЛЕЖАЕВА

Публикация Н. Бельчикова

Полежаев — несправедливо забытый и неправильно оцененный поэт. Эстетам и либеральным историкам литературы не по душе был этот протестант, ранний бунтарь, который заявил в своих стихах, что „жизнь страшнее ста смертей“.

А. Н. Пыпин, объясняя причины забвения Полежаева, так определил место его творчества в общей картине развития литературы: „Поэтическая деятельность Полежаева, вследствие несчастной личной судьбы писателя, являлась чем-то недовершенным и стояла в стороне от общего хода литературы... наконец, широкое развитие литературных интересов с той поры, как закончилось его поприще, так поглотило внимание литературных кружков и общества, что начинания Полежаева остались в тени“ („Вестник Европы“ 1889, март, стр. 153). А. Н. Пыпин прав в одном, что поэзия Полежаева в 30-х годах не была столбовой дорогой литературы. В годы расцвета дворянской по характеру и составу авторов литературы эта поэзия была одинокой, это была поэзия ранней поры равночинства. Творчество Полежаева в те годы было идейным выражением настроений и взглядов той группы демократических слоев разночинной молодежи, которая вступила в жизнь после 1825 г.; это была поэзия первого поколения разночинцев, которое пошло после разгрома декабризма в революцию.

Еще студентом Московского университета „уволенный из мещан“, „незаконнорожденный“ сын помещика Л. Н. Струйского и дворовой крепостной девушки Полежаев быстро сходится с группой студенческой почти исключительно разночинной молодежи, которая выделила из себя членов тайных обществ бр. Критских (1827), Сунгурова (1831), Соколовского, Утина, Герцена и Огарева (1834). Будучи рядовым и сидя в тюремной яме, Полежаев привлекается по делу Критских, а от следствия по делу Соколовского. Герцена и других его избавил вынужденный отъезд с полком из столицы в 1834 г. Слияние с разночинной средой, которой свойственны были демократические настроения, и личная трагедия (Полежаев по личному распоряжению царя был сдан в солдаты) определили содержание творчества Полежаева.

В своей первой большой поэме „Сашка“ он резко обрушился на тогдашний общественно-политический строй, его основы — самодержавие, религию, церковь, и Николай не без основания увидел в ней отголоски декабризма, с которым он боролся всеми силами своей власти. Полежаев оказался продолжателем и носителем в период 1825 — 1834 гг. той политической, „гражданской“ (как любили раньше говорить) поэзии, расцвет которой пал на 60-е годы. И либеральный историк литературы А. Н. Пыпин глубоко ошибся, утверждая, что „начинания Полежаева остались в тени“. Нет, их поддержали и по-своему развили и воплотили в своей поэзии поэты 60-х годов во главе с Некрасовым.

Протесты против самодержавия, самовластья ни у кого не нашли столь яркого выражения, как у Полежаева в те годы. Он умел в безобидном по тематике стихотворении как „Кремлевский сад“ (1828), хотя бы в одном стихе выразить глубокую ненависть к „самовластительным злодеям“:

Дарю счастье миллионам,
Проклятья посылаю тронам

(стихи 26—27).

В его стихах есть прямые отклики на расправу Николая с декабристами:

И Русь, как кур, передушил
Ефрейтор-император.

(„Рок“, 1826, стихи 31—32).

В то время, когда Полежаев резолюцией Николая был после нового суда и расследования по делу Критских брошен „в рядовые без выслуги“, у него вырывается не менее сильное негодование и протест против Николая и его внутренней политики:

О ты, который возведен
Погибшей вольности на трон,
Или, простее говоря,
Особа русского царя...
Поймешь ли ты, что царский долг
Есть не душить, как лютый волк,
По алчной прихоти своей
Миллионы страждущих людей..

(„Арестант“, 1828, IV, 1—4).

Демократизм, ненависть к царю, стремление развенчать ореол самодержавия — эта программа при всей ее неопределенности, свойственной идеологии разночинства ранней поры в дореформенную эпоху, была для того времени глубоко прогрессивной и не мирилась с церковными суевериями, с ограниченностью церковного учения о мире, о боге, о промысле. В поэме „Арестант“ (1828) Полежаев с большой смелостью для того времени трактует сложные проблемы религии, свободы воли. Краткая формула его ответа на вопросы религиозного мировоззрения блистает смелостью и глубиной мысли:

Когда я волен -- он [бог, провидение] тиран,
Когда я кукла — он болван.

(„Арестант“, V, стихи 69—70).

Полежаев шел дальше. Он следил за достижениями тогдашней науки, — и впервые публикуемое здесь стихотворение „Гальванизм“ есть яркий пример его увлечения и преклонения перед научным естествознанием и попытка в поэтической форме раскрыть влекущую всех загадку электричества (молния) как естественного явления природы.

Отсюда понятны сорвавшиеся с уст поэта слова об одиночестве, о ненависти к окружавшей действительности:

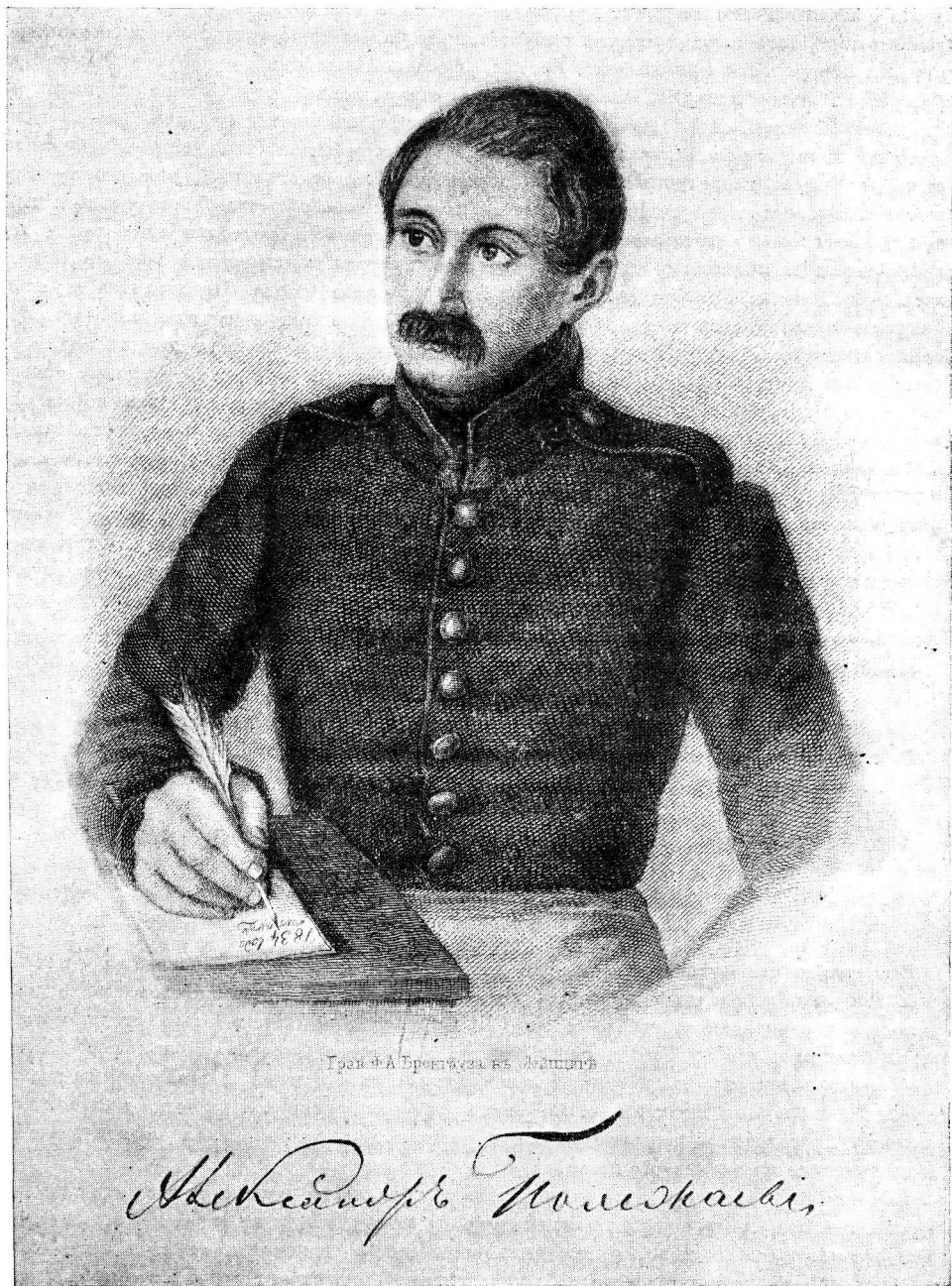
Мне противно смотреть
На блаженство других

(„Вечерняя заря“, стихи 59—60).

И

Грустно видеть бездну черную
После неба и цветов,
Но грустнее жизнь позорную
Убивать среди рабов
И, попанному обидою,
Видеть вечно за собой
С неотступной Немезидою
Безответственный разбой!!
Где вы, громы-истребители,
Что ж вы кроетесь во мгле,
Между тем как притеснители
Властелины на земле!

(„Негодование“, стихи 41—52).

А. С. ПОЛЕЖАЕВ

Гравюра с портрета неизвестного художника, приложенная к собранию стихотворений Полежаева в издании 1899 г.

Первое стихотворение, из которого взята цитата, относится к 1826 г., а второе — 1834 г. Из этого видно, что протест против существующего порядка — основной мотив поэзии Полежаева и что вырос он на почве глубокого социального расхождения поэта с николаевской Россией. Герцен, вспоминая о том времени, когда слагалось мировоззрение этого поколения, так рисует показную, внешнюю сторону жизни в стране: „На поверхности официальной России, „фасадной империи“, виднелись только одни потери, свирепая реакция, бесчеловечные преследования, усугубление деспотизма... Виднелся Николай, окруженный посредственностями, солдатами парадов, балтийскими немцами и дикими консерваторами, — сам недоверчивый, холодный, упрямый, безжалостный, с душою, недоступной высоким порывам, и посредственный, как его приближенные. Непосредственно ниже его выставлялось высшее общество, которое при первом ударе грозы, разразившейся над головой 14 декабря, потеряло едва перед тем приобретенные понятия о чести и достоинстве. Русская аристократия уже не поднялась при Николае, она отвечала: все, что имелось в ее среде благородного и великодушного, находилось в рудниках или в Сибири... Казарма и канцелярия сделались основаниями политической науки Николая. Слепая и бессмысленная дисциплина в соединении с мертвым формализмом австрийских счетных конторщиков — таковы основы знаменитой сильной власти в России“. А за этим фасадом шли глубокие социально-политические и экономические сдвиги: дворянские поместья разлагались, феодальный строй рушился, капитализм прокладывал себе дорогу, обостряя противоречия. В социальной жизни последние особенно резко сказывались, толкая передовую молодежь на борьбу против безыдейной действительности, чудовищного деспотизма самодержавия, против неслыханного подавления личности, человеческого достоинства. „Полежаев, — по меткому определению Н. П. Огарева, — заканчивает в поэзии первую, неудавшуюся битву свободы с самодержавием; он юношей остался в живых после проигранного сражения, но неизлечимо ранен и наскоро доживает свой век“.

И Полежаев сообщает друзьям про себя, что он:

В руках едва ль полулюдей...

(„Арестант“, IV, стр. 48).

В стихотворениях, созданных через год — два после разгрома декабристов и вскоре после личной трагедии поэта, у Полежаева найдем жалобы по поводу силы самодержавия:

Изменила судьба,
Навсегда решена
С самовластьем борьба,
И родная страна
Палачу отдана.

Эти только что приведенные строки до сих пор остаются неизвестными читателю, так как они в изданных до революции собраниях стихотворений Полежаева не могли появиться, а уцелели случайно в деле III Отделения в списке этого стихотворения, приложенном к доносу 1828 г. на Полежаева известного „печальной памятью“ Шервуда-Верного. Они сохранились еще в экземпляре стихотворений поэта, которым пользовался П. Ефремов, внесший сюда, на основании рукописей поэта, теперь к сожалению утраченных, немало подобных разночтений, выражающих политические и атеистические взгляды этого поэта.

Подлинного Полежаева мы еще не знаем и подлинных текстов многих его стихотворений, особенно содержащих политическую тематику, также не имеем. Его резкие, бичующие самовластье Николая, самодержавный строй, религию и ее слуг стихи были скрыты. Облик непримиримого до конца жизни борца за свободу с отсталыми сторонами русской жизни — с грубым самовластьем, с суевериями церкви и ее отрицательным влиянием на быт, борца с позиций не либерально-дворянских, а резко радикальных — должен привлечь внимание нашей современности.

Издания Полежаева прежнего времени — редкий пример жестокой расправы цензуры с писателем. Лично сломленный солдатчиной и преследуемый николаевским правительством в течение ряда лет, наказанный шпицрутенами незадолго перед смертью, Поле-

жаев был лишен и читателя, а последний был лишен наиболее ярких страниц творчества этого поэта. В течение одного года (1837/38) цензура задержала три сборника стихотворений Полежаева: „Часы выздоровления“, „Последние стихи Полежаева“, „Разбитая урна“ и поэму „Царь охоты“.

Один из этих сборников — „Часы выздоровления“, представленный в цензуру в марте 1837 г., задержанный тогда и выпущенный в свет в изуродованном виде в 1842 г., находится сейчас в нашем распоряжении.

Открывается этот сборник стихотворением „Венок на гроб Пушкина“. Отношение Полежаева к Пушкину было сложным. В поэтической практике Полежаев как бы следует во многом за Пушкиным — в ритме, рифмах, размерах стихов чувствуется влияние Пушкина. Но идейное содержание и социально-политический смысл творчества Полежаева противостоят Пушкину. Поэма Полежаева „Сашка“ (1825 г.) являлась сатирой на феодальную Россию, направлена против „Евгения Онегина“ (точнее говоря, пародируются только что увидевшие свет 1-я глава и начало 2-й главы романа Пушкина). Чопорному дэнди Онегину Полежаев противопоставляет студента Сашку „доброго молодца“, который „не был от роду бон-тон“. Полежаев бросал вызов Пушкину и великосветскому кругу, порицая узы дворянской общественности и его героя. И тем не менее Полежаев пристально следил за творчеством и жизнью Пушкина, ценил его гений. „Венок“ говорит о преклонении Полежаева перед погибшим за год до его смерти поэтом. До последнего времени полная редакция этого стихотворения оставалась неизвестной. В собраниях стихотворений Полежаева 1889 и 1892 гг. оно печаталось не полностью. Семистишие из него („И поэтические вежды“), что составляет здесь стихи 11—17, печаталось отдельно. Датировались обе части стихотворения также неточно: в издании Ефремова (1889 г.) — „Венок“ 1837 г., а семистишие неопределенно — 1835—1837 гг.; в издании „Нивы“ (1892 г.) под ред. А. Введенского обе части датированы неточно — 1835—1837 гг. „Утешение“ — финал этого стихотворения, в подлинности которого усумнился Ефремов, в нашем автографе налицо (с несущественными вариантами). Подробная печатная история этого стихотворения изложена в статье Н. О. Лернера („Русская Старина“ 1916 г., VII), но Н. О. Лернер основывался не на автографе, а на списке и должен был отметить ошибки, вкравшиеся в текст по вине переписчика.

В нашем автографическом сборнике стихотворение датировано точно: „2 марта [1837 г.]“. Текст стихотворения, данный в нашем сборнике, должен быть признан основным: он писан рукою самого поэта. Содержащиеся в нем варианты и отличия однако не очень многочисленны. Не был известен до сих пор эпиграф из Гюго; впервые публикуются стихи 15—19; в дальнейшем имеются незначительные варианты к стихам 110, 112, 124, 145, 209, 214, 237. Полностью этот автографический текст воспроизводится в редактируемом нами собрании стихотворений Полежаева в „Библиотеке поэта“; здесь мы ограничиваемся первым его разделом, содержащим упомянутые неизвестные до сих пор стихи.

Небольшое стихотворение „Три нации“ представляет собой сокращенную переделку „Четырех наций“. Последнее не могло появиться в печати из-за резкого содержания строфы о России. Полежаев решил ограничиться тремя строфами, где речь идет о французе, немце и англичанине, но переделал текст, упростив его и нейтрализовав всю политическую направленность стихотворения.

Большинство остальных печатаемых здесь стихотворений является переводом из Виктора Гюго. Все они публикуются здесь впервые. (Переводы эпиграфов принадлежат мне.—Н. Б.). Напомним, кстати, что известен ряд других переводов из Гюго, сделанный Полежаевым в последние годы жизни. Все эти переводы говорят о постоянном пристальном интересе Полежаева к Гюго. Характерно тяготение Полежаева к тем стихотворениям Гюго, которые связаны с именем Наполеона, как человека, подобно Полежаеву имевшего „печальную судьбу“. А тема трагической гибели поэта — „неизменного друга свободы“ — особенно настойчиво и часто привлекала внимание этого загубленного самодержавием поэта, подлинного „свободной вольности певца“ в мрачную эпоху николаевской реакции после разгрома восстания декабристов в 1825 г.

Н. Бельчиков

1

ВЕНОК НА ГРОБ ПУШКИНА

Oh, qu'il est saint et pur Transport du Poète,
 Quand il voit en espoir, bravant la mort muette,
 Du voyage de temps sa gloire revenir!
 Sur les ages futurs, de sa hauteur sublime.
 Il se penche, écoutant son lointain souvenir;
 Et son nom, comme un poids jeté dans un abîme,
 Eveilla échos au fond de l'avenir!

V. Hugo *

Эпоха! Год неблагодарной!..
 Россия, плачь!.. Лишилась ты
 Одной прекрасной, лучезарной,
 Одной брильянтовой звезды.

5 На торжестве великом жизни
 Угас для мира и отчизны
 Царь сладких песен, Гений лир:
 С лица земли, шумя крылами,
 Сошел, увенчанный цветами,

10 Народной гордости кумир!
 И поэтические вежды
 Сомкнула грозная стрела,
 Тогда как светлые надежды
 Вились вокруг его чела!

15 Когда рука его сулила
 Нам тьму надежд, тогда сразила
 Его судьба, седой палач!
 Однажды утро голубое
 Узрело дело роковое...

20 О плачь, Россия,—долго плачь!
 Давно ль тебя из недр пустыни полудикой
 Возвел для бытия и славы Петр Великий,
 Как деву робкую на трон!
 Давно ли озарил лучами просвещения

25 С улыбкою отца, любви и ободренья
 Твой полунощный небосклон.
 Под знаменем наук, под знаменем свободы
 Он новые создал великие народы;
 Их в ризы новые облек;

30 И ярко засиял над царскими орлами,
 Покрытыми всегда победными громами,
 Младой поэзии венок.

* О как свят и чист восторг поэта, когда в своих мечтах поэт зрит как слава его, презрев немую смерть, возвращается из странствия времен. С блистательных высот своих склонившись к будущим векам, он внемлет дальним о себе воспоминаниям; и имя его, подобно тяжести, сбрасываемой в бездну, пробуждает эхо в глубинах грядущего.

2

ГАЛЬВАНИЗМ

или

ПОСЛАНИЕ К ЗЕВЕСУ

Le monde est plein de
trompeurs et de trompes.
N. M.*

- И так, узнал я наконец
Тебя, Зевес самодержавный!
Узнал, что мир—большой глупец,
А ты—проказник презабавный!
- 5 Два металлических кружка
Да два телятины куска
С цепочкой медной за ушами—
Вот тайна молний и громов,
Которыми, как чудесами,
- 10 Ты нас стращал из облаков.
Гальвани с мертвою лягушкой
В лаборатории своей
Нам доказал, что ты людей
Всегда считал одной игрушкой!
- 15 Сын праха, слабый и глухой,
Под руководством гальванизма
Едва ль, Зевес почтенный мой,
Я не сойду до атеизма!
К чему мне ты? Я сам Зевес!
- 20 Перуны, молнии и громы
Мне без обмана и чудес
Теперь торжественно знакомы!
Огонь и блеск в моих очах
И гром, и треск в моих ушах!
- 25 Я весь: разгульный шум Содомы
И мусульманский вертоград
С тех пор, как дивный препарат
Из мяса, шелку и металла
Уснувших сил моих начала
- 30 Электризует и живит,
И все вокруг меня нестройно,
Разнообразно, беспокойно,
Но гармонически звенит!
И так, Зевес, мое почтение!
- 35 Тебе я больше не слуга!
Я сам велик—еще мгновенье...
И—вознесусь на облака!
Тогда, как вздорного соседа,
Тебя порядочно уйму,
А молодого Ганимеда,
Орла и Гебу отниму.

* Мир полон обманщиков и обманутых. — Н. М.

3

ТРИ НАЦИИ

I

Британский лорд
Свободой горд,
Упрям и тверд,
Как патриот.
Он любит честь,
Он любит есть,
И после сесть
На пароход.

II

Француз: герой!
Он вам порой
Грозит бедой.
Как великан.
Встает, как лев,
Откроет зев,
И... прямо в хлев,
Баран, баран!

III

Германец смел,
Но поседел
От важных дел.
Заботы тма:
Сиди, кури,
Пиши, да ври —
Да и умри!
Сошел с ума!

4

АНТИХРИСТ

Après que les milles ans seront accomplis,
satan sera délié; il sortira de sa prison, et il
seduira le Nations, qui sont au quatre coins
du Monde, Gog et Magog!

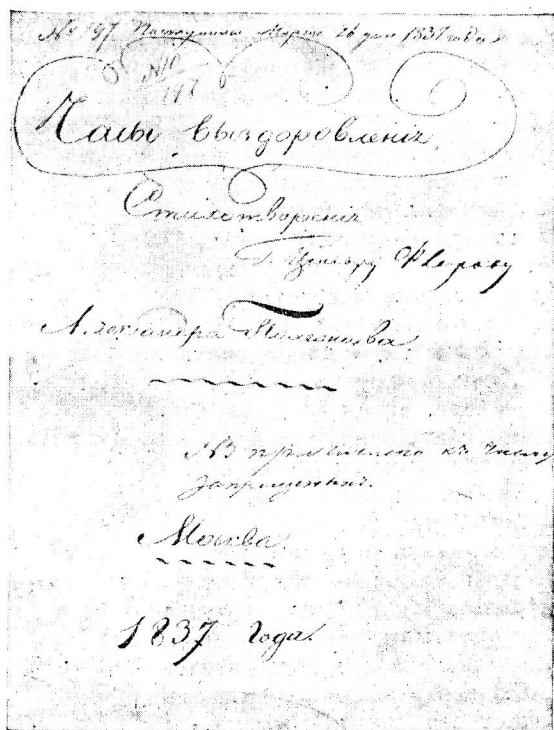
Saint Jean. Apocalypse*.

I

- Придет на землю он, придет с последней тьмою,
Когда светило дня без жизни и лучей
Померкнет навсегда под черной пеленою —
Как взор блуждающих очей!
5 Когда заговорят встревоженные бездны,
И перечтет свирепый Ад

* Когда исполнятся тысячелетия, дьявол будет освобожден, он выйдет из темницы своей и соблазнит пребывающие в четырех концах света народы, Гого и Магог!
Апокалипсис Св. Иоанна.

- Своих неистовых солдат,
И наконец, тяжелый свод надзвездный,
Как колесница древних лет,
Засыпанная прахом,
10 Падет на ось свою — и страхом
Объяты будут мрак и свет. —
Придет, — когда младенец затрепещет
В утробе матери своей, —
15 И факел горести в последний раз заблещет
Над гробом праведных людей!

ОБЛОЖКА АВТОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА ПО-
ЛЕЖАЕВА «ЧАСЫ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ», ЗАПРЕЩЕН-
НОГО ЦЕНЗУРОЙ В 1837 г.
Центрархив ОССР, Москва

- Когда, возрев на океан безбрежной,
С его бездонной глубиной,
20 Увидит человек корабль свой ненадежный,
Над грозной Вечности волной.
Придет, — когда порок и преступленья
Сильнее утвердят торжественный Союз, —
И поразит земные поколения
Огонь и мор и глад и трус.
Когда миры преобразятся в степи,
И отпадут от звен великой цепи;
25 Когда в пути, пространном, огневом,
Сойдутся вдруг кометы и светила —
И над землей таинственная сила
Прострет крыле в молчаньи роковом.

30 Когда тоске, когда оцепененью
 Не будет мест в измученных сердцах —
 И божий дух неизмеримой тенью
 Носиться будет в небесах

II

Как дивный знак узрят его народы,
 Он нивы и поля у бедных разорит;
 35 Он навсегда надежды и свободы
 Рабов и пленников лишит.
 Никто не будет знать, — в какой стране далекой,
 В каком миру носил он цепи иль венец,
 И в гимнах торжества и горести глубокой
 40 Народы спросят наконец:
 Лучи ли солнца золотые
 Или — символ властительного зла,
 Две молнии багряно-голубые
 Горят вокруг его чела[?]
 45 Он у небес похитил украшенья!
 Блестая в радужных лучах,
 С улыбкой ангела, с речами утешенья
 На светлорозовых устах,
 Он разольет источник обольщенья,
 50 С слезой жемчужною в очах.
 И будет он, как благодать святая,
 Прекрасен, дивен под луной
 И юн, как флора молодая,
 На мураве лугов роскошною весной.
 55 Или ночей любовник безобразной
 Приняв дракона гнусный вид,
 Он, чешуей сверкнув разнообразной,
 Крылом железным зашумит
 И, тайной роковой как будто уstraшенной,
 60 С лица земли, им оскверненной,
 Он прах и вихрь столпами закрутит.
 Природа глаз его могущий, чудотворный
 Узнает с трепетом немим —
 И будут перед ним без ропота покорны
 65 И облака и ветер горный,
 Как Эфиоп, уродливый и черный,
 Перед владыкою своим.
 Он воздух рассечет волшебной колесницей:
 Огонь и волны покорит;
 70 Все царства обоймет могущею десницей;
 Под тяжкою пятой цветы произрастит.
 Из ярких звезд и светлых метеоров
 Сольет себе венец
 И вздрогнет от его преследующих взоров
 75 Под холодным мрамором мертвец.
 О реки бурные! О пламенные лавы!
 Не будет он иметь друзей!
 Он будет жить для гордости и славы
 Среди рабов, среди цепей!
 80 Он мир почтет завоеваньем,
 Добычей смелости своей —

- И править им не будет со страданьем.
 Как бог — владыка всех царей,
 Но как свирепый повелитель
- 85 И непреклонный судия
 В странах, где царствует блюститель
 И добрый пастырь бытия.
 Заклятый враг поработенным,
 Он тайным бременем, он жизнью другой
- 90 Всегда ни древний ни молодой,
 Казаться будет изнуренным.
 На все с улыбкой гробовой
 Он бросит взор негодованья,
- И проклянет с отчаянной тоской
- 95 Красу великого создания,
 И будет всем в природе он чужой!
 Далеко от себя лучи святой надежды
 Отбросит он, надменный великан;
 Высокий ум его сорвет, как ураган,
- 100 С закрытой истины одежды;
 Постигнет все — и между тем,
 Не для него потерянный Эдем —
 И будут щастливы в очах его невежды.
 Давно готов ужасный приговор —
- 105 Он у него висит над головою...
 Но — он бесстрашен, тверд, как в море пред грозою;
 Безмолвнее гробов — пойдет наперекор
 И неба и земли! — Вся жизнь его: позор!
- А сердце: твердая арена,
 110 Где ад, коварство и измена
 В ужасной битве с божеством,
 И наконец — где совести мученья
 Уступят силе преступленья
- И увенчают зло последним торжеством.
- 115 Тогда удержит он оставшееся время;
 В последний раз зажжет у пристани маяк.
 И бог, который сам носил земное бремя,
 Допустит, — чтобы враг страдающего племя
 Воссел на жертвах и гробах!
- 120 И сядет он, как ястреб кровожадной,
 И отразится в вечной мгле,
 На роковом его челе
 И грусть, и ложь, и стыд гордыни безотрадной!
-
- 125 Мессия тьмы, апостол отверженья —
 Рассеет он цветы между шипов;
 Он осквернит фиалом заблужденья
 Уста безумных мудрецов;
 Между землей и небом он поставит
- 130 Незыблемый гранит, печальное: прости!
 И атеист хулителя прославит
 И — „Вот мой бог“ — дерзнет произнести!

III

Потом, когда по воле провиденья
 Он на земле свой подвиг совершит;

- 135 Когда в сердцах святые помышленья
И добродетель умертвит;
Когда клеймом убийства и проклятий
Запечатлеет навсегда
Своих наперсников и братьев
140 И перечтет их мрачные стада,
Тогда, сын ада и бесславья,
Узнает он удел свой роковой,
И краткий миг самодержавья
Потонет в вечности немой.

5

ПИР ДУХОВ

Hic chorus ingens.

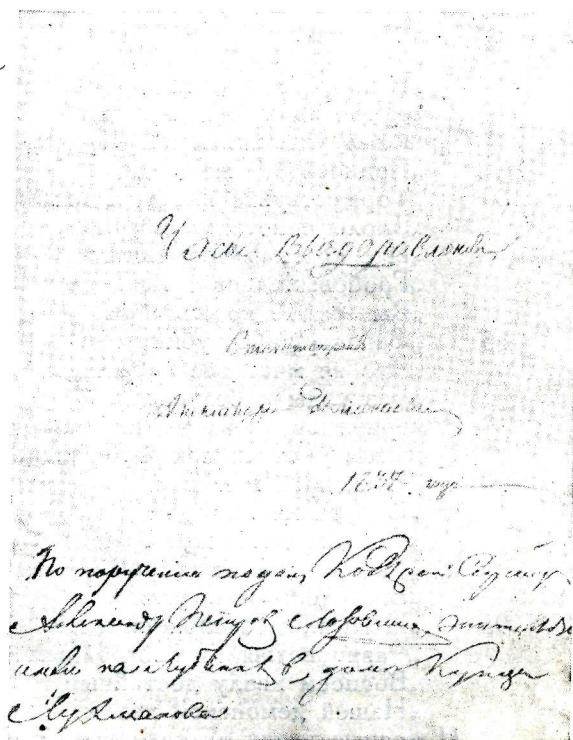
.....Jovis orgia.

A. Vienus *

- Смотрите, как над черными стенами
Скрытого во мгле монастыря
Дрожит луна неверными лучами—
Как будто страх невольный затая.
5 Дух полночи коснулся диких башен,
И, овладев чугунным языком,
Двенадцать раз, торжественен и страшен,
Пронес свой гул в безмолвии ночном.
Грохочет он в пространстве необъятном;
10 Звучит, ревет протяжно этот гул—
Как ярый лев под острием булатным,
И, наконец—ослабленный уснул.
Внимайте: где? Откуда эти стоны
И вопль и вой!—Какой ужасный вид:
15 Гранитный дом, верхи его колонны—
И весь он, весь блистанием облит;
И вспенилась и бьет вода святая,
Как белый ключ в сосуде вековом;
И, между тем, как лава огневая
20 Везде кипит, в мерцаньи голубом—
Рыдания, свист, неистовые клики
Со всех сторон внезапно раздались...
И злых духов торжественные лики
Из вод и гор в обитель принеслись!
25 Волшебницы, вампиры, змеи, гномы,
Чудовища—исчадия сатаны,
Гремящие скелеты и фантомы—
И мрачные безбожия сыны,
Лукавые, как адские обманы,
30 С таинственной тиарой на челе,
В магических покровах некроманы—
И сонмы ведьм, проклятых на земле;
И демонов клубящиеся волны—
Сквозь трещины и окон, и дверей
35 В священный дом, пустынный и безмолвный,
Внеслись, как вихрь при зареве огней!

* Здесь огромный хор... праздник Юпитера.—А. Виенус.

Вот Люцифер—их грозный повелитель;
В порфире он—в короне золотой;
И на алтарь, святыни осквернитель,
40 Он наступил преступною пятой!
О ужас! вот их хоры загрели
На месте том, где бодрствует сам бог:
Рука с рукой, стремясь к нечистой цели,
Они сошлись, как бездна и порок...
45 Как смерть и грех... и демонские пляски
Вдруг начались!.. По очереди глаз
Встречает их кружащиеся маски,
Все дивные в полный этот час.
Смотря на них, представить смело можно,

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ АВТОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА
ПОЛЕЖАЕВА «ЧАСЫ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ», ЗАПРЕЩЕ-
НОГО ЦЕНЗУРОЙ В 1837 г.
Центрархив СССР, Москва

50 Что самый ад, рассея вечный мрак,
Вращает здесь, с оргиею тревожной,
Свой пагубный и страшный зодиак.
Все в цепь одну свилися неразрывно,
И сатаны услышан глас призывной!

55 И мерные звуки их тяжких шагов
Тревожат унылый покой мертвецов.

Хор демонов

„Безобразною толпой,
„Без порядка и разбора,
„В кликах радостного хора

- 60 „Мы забудем век позора,
 „О наш царь, перед тобой!
 „Это время—время мира,
 „И багровая порфира
 „На плече твоём средь пира
- 65 „Блещет райскою красой!
 И мерные звуки их тяжких шагов
 Тревожат унылый покой мертвецов.
 „О стекайтесь же на пир,
 „Наши сестры, наши братья,
- 70 „Заклейменные печатью
 „Громогласного проклятья—
 „Здесь другой, отрадный мир!
 „Вы, суровые мегеры,
 „Без надежды и без веры,
- 75 „Бросьте темные пещеры
 „И почитите свой кумир!
 И мерные звуки их тяжких шагов
 Тревожат унылый покой мертвецов.
 „Приноситесь же сюда,
- 80 „Торжествуйте вместе с нами:
 „Карлы с козыми ногами
 „И с кровавыми устами,
 „Гробовыходцев толпа!
 „Вы—седые кровопийцы,
- 85 „Заговорщицы, убийцы—
 „Что не мчат вас кобылицы
 „Без узды и без седла.
 И мерные звуки их тяжких шагов
 Тревожат унылый покой мертвецов.
- 90 „И сатиры, и козлы,
 „И русалки молодые,
 „Соблазнительницы злые,
 „Бросьте волны голубые,
 „Бросьте темные углы.
- 95 „И кагалом беспокойным,
 „Разноцветным и нестройным—
 „Воспоём хвалу достойным
 „Нашей демонской хвалы.
 И мерные звуки их тяжких шагов
- 100 Тревожат унылый покой мертвецов.
 „Пусть же в грозный этот час
 „Проповедник волхованья
 „Воскурит благоуханья
 „Не блюстителю созданья,
- 105 „Отвергающему нас,
 „Но—владыке нашей жизни,
 „Аду—яроستي отчизне,
 „Где в огне и в укоризне
 „Луч бессмертья не угас!
- 110 И мерные звуки их тяжких шагов
 Тревожат унылый покой мертвецов.
 „И могущий сатана,
 „Издеваясь над святыней,
 „Полон мести и гордыни,

- 115 „Произносит, как в пустыне,
 „Здесь ужасные слова.
 „Взор отчаянья он мечет;
 „Но—не бледен, не трепещет
 „Перед книгою, где блещет
 120 „Имя: вечный Эгова!
 И мерные звуки их тяжких шагов
 Тревожат унылый покой мертвецов.
 „И, восставши из гробов,
 „С жизнью новой и тревожной,
 125 „Пусть хулит неосторожно
 „Дух лукавый и безбожной
 „Веру дедов и отцов.
 „И под ризою священной,
 „Блеском ада озаренной,
 130 „Пусть смеется дерзновенно
 „Над создателем миров.
 И мерные звуки их тяжких шагов
 Тревожат унылый покой мертвецов.
 „Вас заметит сатана!
 135 „Вы тяжелыми руками,
 „Непонятными чертами
 „Начертите между нами
 „Слово тьмы: Абракарда!
 „Птицы ночи и боязни!
 140 „Прилетайте же!—не казни,
 „Но веселью, но приязни
 „Эта ночь посвящена!
 И мерные звуки их тяжких шагов
 Тревожат унылый покой мертвецов.
 145 „Вот знамение чудес,
 „Вот и клятва роковая:
 „Пусть невинная, святая,
 „С сей поры душа живая,
 „Не достигнет до небес!
 150 „Но чтоб луч надежды ясной,
 „Для отшельницы прекрасной
 „В мраке вечности ужасной,
 „Потерялся и исчез!“
 Заря осветила туманное зданье;
 155 Сокрылись виденья и сонмы духов!
 Опять воцарились и сон и молчанье,
 Ничто не тревожит покоя гробов.

6

ГИМН НЕРОНА

Nescio quid molle atque facetum.

Horac*

I

Друзья! Не мудрым угрожает
 Тяжелой скуки длинный час!
 Вам пир роскошный предлагает
 Нерон и консул в третий раз.

* Не знак: нечто изнеженное и насмешливое.—Г о р а ц и й.

Нерон, владыка полумира,
В руках которого гремит
Перун и греческая лира,
Животворящая гранит.

II

Услышите голос мой призывный!
Нет, никогда и слух и взор
Не услаждали вы так дивно,
Паллас и милый Агенор!
Ни эти шумные обеды,
Где наш Сенека заседал
И чаши дружеской беседы
Вином фалернским наполнял.

III

Ни вечера, когда Аглая,
В галере легкой и цветной,
Пленила нас полунагая
Своей волшебною красой!
Ни цирк воинственно мятежной,
Где сонмы гнусные рабов
Встречались с смертью неизбежной
Между когтями диких львов.

IV

Ко мне! Мы сверху этой башни
В огне увидим целый Рим!
Что зубы тигра! Пламень страшный,
Как самый ад неодолим!
Я образую цирк широкой
Между семи священных гор,
Где озарится в тьме глубокой
Весь Рим, как светлый метеор!

V

Так — мира сильный обладатель
Досуг печальный усладит!
Так — землю он, как бог каратель,
Перуном грозным поразит!
Но время! Гидра огневая
Шумит торжественным крылом,
И вот, хребет свой извивая,
Зарделась в сумраке ночном.

VI

Смотрите! Вот она не дремлет!
И блеск и дым ее бойцы!
И будто с ласкою объемлет
Она и стены и дворцы.
О для чего мои лобзанья,
Как пламень серный, не горят;
Не могут в душу лить сгряданья.
Не пожирают, не мертвят?

VII

Внемлите голосу молений —
И воплю старцев и детей!
Смотрите бледные, как тени,
Они мелькают средь огней!
Колонны, двери золотые,
Трешат, колеблются, падут
И в волны Тибра голубые
С рекою бронзовой текут.

Эмануэла Мерина

Pressio pavid mola atq; locum.
flor.

Огнь, вода, воздухъ и земля
 Материю имеютъ общую,
 Но какъ другъ соединенъ съ другомъ,
 И перемѣна въ нихъ не перестаетъ,
 И вѣчно, вѣчно, вѣчно
 Въ нихъ не перестаетъ существовать,
 И вѣчно и вѣчно, вѣчно
 И вѣчно и вѣчно, вѣчно

СТРАНИЦА АВТОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА ПО-
ЛЕЖАЕВА «ЧАСЫ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ» ЗАПРЕЩЕ-
НОГО ЦЕНЗУРОЙ В 1837 г.

Центрархив СССР, Москва.

VIII

И гибнут в лавах бесконечных
Парфир, и мрамор, и гранит —
И вас, о статуи предвечных,
Победный пламень не щадит!
Руководим моею волей,
Он все до хижин обоймет;
И Аквилон в широком поле
Останки Рима разнесет.

IX

Прости надменный Капитолий!
Нерон сказал — и совершит!
Вот арка Суллы! Грозной доли
Теперь она не избежит!

Пылают портики и храмы,
Весь Рим! — Властительный Зевес,
Ужели эти фимиамы
Не достигают до небес?

X

И что пророчества Сивиллы,
И где судьба семи долин?
Она сказала: „Вражьи силы
Тебя возвысят, исполин!
О Рим, удел твой: бесконечность!
Ты сын бессмертья и веков!“
— Друзья мои! Вся эта вечность
Продлится несколько часов!

XI

Прекрасны пламенные воды,
Тебя я понял, Герострат!
Повсюду вас, мои народы,
Они, как змеи, окружают!
Освободите от короны
Мое горящее чело!
Венок мой свежий, благовонный
Золой и пеплом занесло!

XII

Окровавленные одежды
Вином душистым обольем!
Одни безумные невежды
Облиты кровью за столом!
В высоких, сильных наслаждениях
Забудем злобную игру
И станем жить не в сожаленьях,
Но в упоеньи на пиру!

XIII

Я наказую Рим державной!
Я омрачу его звезду!
Он жертвы робкие бесславно
Приносит Зевсу и Христу!
Что ж алтарей не воздвигает
И мне, властителю рабов,
Когда вседневно умножает
Число героев и рабов!

XIV

Я уничтожу Рим — и смелый
Восстановлю его опять!
Но христиане!.. Копья, стрелы
Должны их всюду поражать!
На смерть их всех — на поруганья!
Они зажгли великий Рим!
Гей, раб мой! Где благоуханья?
Мне запах дыма нестерпим!

7

ДВА ОСТРОВА

Dites moi d'où il est venu,
je vous dirai où il est allé.
Е. Н.*

I

Огромный мир два океана
Землею твердой разделил,
Но есть на них два великана
Страшнее призраков могил!
5 Смотря на них, мечтают смело,
Что бог из бездны поседелой
Их с дивной целию воззвал.
Чело их молниями блещет;
По голым ребрам их трепещет
10 Неукротимый, вечный вал!

Те острова между скалами
Подобны буйным кораблям,
Которых крепкими цепями
Не допускают к грабегам!
15 Быть может, неземная сила
Брега их ужасом покрыла
Затем, чтоб после сотворен
Там был отважный Бонапарте —
И, грозный бич народных партий,
20 Скончался царь Наполеон! —

Вот колыбель, — а вот гробница!
Вот все!.. Довольно для веков!
Не истребит судьба-царица
С лица земного этих слов!
25 Сюда, на зов великой тени,
Сыны грядущих поколений
Стекутся в ужасе немом,
И громы, молнии и бури,
И говор волн, и блеск лазури —
30 Все будет памятью об нем!

Далеко от берегов священных,
Где он свой жребий разгадал,
Предвечный, в тайнах сокровенных,
И жизнь и смерть ему послал,
35 Чтобы без сильных потрясений
Приял могущественный Гений
Великий дар: миг бытия,
И чтоб с воинственного ложа,

* Скажите мне, откуда он пришел, и я скажу вам, куда он ушел.—Е. Н.

- 40 Земли смятенной не тревожа,
Уснул, покоен как дитя!

II

- 45 Как сладко он мечтал весною юной жизни!
Как грустно разорвал покров земной отчизны,
Обманчивого сна отравой упоен,
Познал он суету владычества и славы!
Печально презирал удел свой величавой—
И видел в наготе ничтожество времен!

- 50 Младенец — он, давно виденьями томимый,
Завидел яркий луч минутной диадимы
И крылья золотых империи орлов!
Он слышал наперед: народы полвселенной,
Покорно окружив шатер его военный,
Поют всеобщий гимн миллионом голосов!

III

Восклицания

- 55 „Хвала царю царей! Хвала Наполеону!
„Сам бог ему вручил державную корону!
„И Нил и Борисфен его великий щит
„Кропят своей волной!— Цари объаты страхом—
„И в Риме он, меча размахом,
„Младенцу трон соорудит!

- 60 „Блустители громов, над мертвыми странами
„Парят его орлы с широкими крылами!
„Он устрасил конклав; он изумил Диван!
„К победным знаменам, в трудах невероятных,
„Он приковал луну неверных —
„И крест твой, северный Иван!“

- 65 „Свирепый мемелюк, зингари полудикой,
„И доблестный сармат с сверкающею пикой
„Имеют все один торжественный закон,
„И дружно, за лучем звезды его приветной
70 „Течет народов безответной,
„Необозримый легион, —
„Рука его грозит униженному миру;
„Он воину дает с улыкою порфиру —
„И ждут его лица собрания царей;
75 „Лишь только б он сбирал насильственные дани,
„И мог заснуть на поле брани,
„Как рыболов среди сетей!

- 80 „И как же он вознес дворец империяльной!
„О нет, там никогда, как в сфере идеальной,
„Перун не загремит в блистании лучей!
„Давно уж попорана гроза его пятою;

„И чтоб шуметь над головою,
„То вновь подняться должно ей!“

IV

85 И страшно поднялась! — С обрушенного трона
Скатилась, зазвенев, блестящая корона;
Цари сказали: он тиран!
Рассеялся туман великого обмана —
И твердию землий под стражу океана
Был отдан грозный великан!

А. И. ПОЛЕЖАЕВ В ГРОБУ
Акварель неизвестного художника
Исторический Музей, Москва

90 О как пренебрегал он жизнью на Елене.
Когда по вечерам один в своей арене
Встречал он солнечный закат;
Бродил среди песков, печальный и угрюмой,
Пока не разлучал с таинственной думой
Его Британии солдат.

95 Снедаемый тоской, с улыбкою презренья
Он слышал вокруг себя хулы и обвинения
Освободившихся рабов;
Союзная вражда народов угнетенных

На мрачную главу, в отзывах повторенных
Звала проклятия веков.

V

Укоризны

- 100 „Анафема! Позор! Добыча поношенья!
„Пусть небо и земля разят без замедленья!
„Свершилось, наконец — обрушился Колосс!
„Пади же на него, свирепого злодея,
„Вся кровь, которой, не жалея,
105 „Он проливал с реками слез.
„Пусть с именем его — от Волги, Тибра, Сены,
„От грозных пирамид, Алгамбры и Винсены,
„От Яффы и Кремля, долин и берегов,
„Свидетелей побед, величия и славы —
110 „Несется и гремит, протяжный, величавый.
„Гул укоризны мертвецов!
-
- „Пусть видит он всегда закланные им жертвы!
„Восставши из могил, унылый, полумертвый,
„Пусть легион теней, свиреп, как самый ад,
115 „В дыму, в огне, в цепях, в неволе изнуренный,
„Представит между скал Елены изумленной
„Отступнику людей — живой Иосафат.
-
- „Пусть вживе он умрет; пусть вечно умирает,
„Пусть гордый исполн и плачет и страдает!
120 „Тяжелая рука тюремных сторожей
„Холодной цепью ту руку оковала,
„Которая еще недавно преклоняла
„Главы венчанные царей!
-
- „Он думал, оглушив победами свободу,
125 „Казаться божеством великому народу,
„Но пламенник его всевышним погашен,
„И, Рима и Петра соперник нечестивой,
„Увидел пред собой в тоске красноречивой
„Лишь горсть земли, где ляжет он!
-
- 130 „И гробу на скале предшествует забвенье,
„И царский катафалк, его приготовленье,
„В священном Сен-Дени чела не вознесет;
„Там призраки царей витают в час урочный,
„И никогда во тьме холодной и полночной
135 „Тень наглая его — пред ними не мелькнет!

VI

Как горек выпитый фиал! И как ужасно
Нас мучит иногда сон дивной и прекрасной!
Младая жизнь цветет надеждой золотой!

140 А после — трепет, страх душою овладеют,
Когда пред нею засветлеют
Чертоги вечности святой!

145 Так точно, если вы завистливое око
Вперите иногда в верхи горы высокой,
Возникшей из земли, в величии немом;
В леса ее, как плащ висящие над бездной,
И в облака, венок надзвездной,
Над голубым ее челом.

150 Взойдите на нее! — Лазурное ли небо
Узрите вы тогда!... О, нет! Покров Эребал
Расстанется гора с одеждою цветной:
Она — седой вертеп, где, низвергая сосны,
И гром, и вихрь молниеносный
Играют с мутною волной!

VII

155 Вот образ славы! Лучезарна,
Как призма яркая, она,
Но — и как зеркало коварна,
И очистительно-страшна.
То исполин, то без эгиды
Он поле чести и обиды
160 Прошел с великим торжеством;
Он ждет истории двуличной:
Сперва — он славой был обычной,
Потом — мечтами о былом.

165 И на скалах святой Елены —
Иль в Корсике во тьме ночей,
Завидя путник уstraшенный
Зиянье молнийных лучей —
Всегда об нем воспоминает...
И видит: будто он скрещает
170 Уныло руки на груди —
И воцарился в буре грозной,
Как будто в битве смертоносной
В свои шастливейшие дни!

175 Он, царство потеряв, имеет две отчизны:
Достойны ли они хвалы иль укоризны —
Не знаем мы! — Одной прославлен Аннибал;
Другою овладел непобедимый Васко —
И именем его, как будто дивной сказкой,
Весь мир детей своих стращал.

180 Так бомба иногда, свершая путь суровый.
Чертит на небесах свой радиус багровый;
Трепещет и дрожит над крепкою стеной —

И, наконец, как вран с железными когтями,
 Над нею, размахнув пушистыми крылами,
 185 Шумит и падает смертельною стрелой,
 И долго черный зев мортиры безобразной,
 Дымяся, издает свой гул однообразной,
 И бомбы роковой стремительный полет,
 Как бурный вихрь в земной утробе —
 190 Как бледный свет в печальном гробе,
 Зажжется, вспыхнет и умрет!

8

ВИДЕНИЕ

I

Внемлите вы, о поколения,
 О чада жалкие земли,—
 Что в миг чудесный вдохновенья
 Пророки мудрые рекли:
 5 „Когда угаснет для вселенной
 Маститый век, обремененный
 Позором, славой иль стыдом,
 Тогда с ответом он предстанет
 Перед того, который грянет
 10 Великим, праведным судом!“
 Узнайте ж, чада заблужденья,
 Добыча гроба и червей,
 Что мне открыли сновиденья,
 Послы неведомых властей:
 15 То было в царстве бесконечном,
 Где, потонув в блаженстве вечном,
 Горит без солнца яркий день;
 Где разлилась в начале мира
 Зари румяная порфира
 20 И где мертва ночная тень.
 Боготворя вину создання,
 Святые сонмы с облаков
 Взирали полные вниманья
 На тайный угол трех углов;
 25 И трона, где починют громы,
 Крылатым ангелом ведомый,
 Предстал внезапно дух седой —
 И ангел с светлым покрывалом,
 Перед державным трибуналом
 30 Стоял с поникшею главой.
 На небесах и в безднах черных
 Тогда услышан дивный глас —
 Он самый ад в цепях позорных
 До основания потряс;
 35 И серафимов колесницы,
 Блестя очами, как зарницы
 На перламутровой оси —
 И колесо в лучах огнистых;
 И крылья в радугах волнистых,
 Все стало вдруг на небеси.

Г о л о с

- „Семнадцать раз оборотилась
 „Страница книги вековой;
 „Моя божественная милость
 „Иль казнь — удел твой роковой!
 45 „Смотри: пред этими весами
 „Нагой с едиными делами
 „Ты предстаешь теперь, о Век!
 „Приблизься, с славой иль позором,
 „Ответствуй мне, — перед которым
 50 „Ничто и ты, о человек!

В е к

- „Я все в мечтаниях высоких
 „Соединил и разделил;
 „Я в изысканиях глубоких
 „Уму природу подчинил;
 55 „Я был судья твой самовластной.

Г о л о с

- „О призрак жалкой и несчастной!
 „Остановись! Ты ужаснешь
 „Моих святых хулой надменной;
 „Ты в бытии моем презренной
 60 „Здесь сомневаться не дерзнешь!“
 „Не ты ли, бед исполнив меру,
 „Уставы мудрые поправ,
 „Отверг: меня, закон и веру —
 „Опору нравов и держав;
 65 „Не ты ль, неистовая злоба,
 „Пределы смерти, тайны гроба
 „В безумстве диком возмущил?
 „И осквернил потом без страха
 „Останки царственного праха?

В е к

- 70 „О боже! день твой наступил!

Г о л о с

- „Так плачь, о Век! сперва несмелый
 „Ты был загадкой для людей —
 „Потом — отступник поседлый
 „Потом — убийца и злодей!
 75 „Был царь с прекрасною царицей;
 „Я их любил; моей десницей
 „Им диадема вручена;
 „Скажи, что сделал ты с святою,
 „Благодаренною четою?

В е к

- 80 „Я вижу, бог мой! — здесь она!

Г о л о с

- „Да! Наконец тебя объемлет
 „Священный ужас! — это я!

- 85 „Владыка твой, который внемлет
 „Мольбам и стону бытия,
 „Который шлет и воздаянье,
 „И смерть, и жизнь, и наказанье
 „Одною молнией очей!
 „Мое дыханье гасит пламень
 „И зажигает холодный камень,
 90 „Как метеор во тьме ночей!
 „Да истребит тебя забвень!..
- Век
- „Господь, помилуй! Вечный бог,
 „Даруй проклятому прощенье!
- Голос
- „Я приговор тебе изрек!
 Век
 95 „Так век грядущих поколений
 „Меня от тяжких преступлений
 „Освободит рекою зла?“
- Тут ангел мира и надежды
 Сокрыв божественные вежды
 100 Под сень лазурного крыла.
- Голос
- „Иди! Я пропасти ревущей
 „Бездонный зев тебе открыл —
 „И знай, проклятый — Век грядущий
 „Тебя родясь уж обвинил!“
 105 И будто ропот урагана
 Над черной бездной океана,
 Его преследовал тогда
 Громовый голос беспощадный,
 И Век преступный, безотрадный
 110 Скатился в вечность навсегда!“